

9
101
Кн. ЕВГЕНІЙ ТРУБЕЦКОЙ.

МІРОСОЗЕРЦАНІЕ Вл. С. СОЛОВЬЕВА.

Ты еже съеши, не оживеть,
аще не умреть. I Кор. XV, 36.

ТОМЪ I.

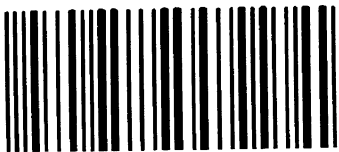

XLIV - 5390
м. п. м.

ИЗДАНИЕ АВТОРА.

А.

А

2007088312

МОСКВА

ТОВАРИЩЕСТВО ТИПОГРАФИИ А. И. МАМОНТОВА
ЛЕОНТЬЕВСКИЙ ПЕР., Д. №

А

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Предлагаемый трудъ представляетъ собою результатъ всей моей предшествовавшей умственной дѣятельности. Съ начала восьмидесятыхъ годовъ, когда я еще на школьной скамьѣ впервые познакомился съ юношескими произведеніями Соловьева, и до сего времени я прожилъ съ нимъ всю мою умственную жизнь; съ нимъ такъ или иначе связано все то, что я думалъ до сихъ поръ въ области религіи, философіи и общественной жизни; всѣ мои воззрѣнія сложились въ духовномъ общеніи съ нимъ, т.-е. частью въ связи съ его вліяніемъ, частью же въ борьбѣ противъ этого вліянія. При этихъ условіяхъ, понятное дѣло, Соловьевъ не можетъ быть для меня предметомъ *историческаго* изслѣдованія: писать о немъ—значить вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣлить и собственное свое міросозерцаніе въ важнѣйшихъ, существенныхъ его основаніяхъ ¹⁾.

Къ этой цѣли были направлены главнѣйшіе изъ предшествовавшихъ моихъ трудовъ, которые, соотвѣтственно съ этимъ, должны быть разсматриваемы какъ подготовительныя ступени къ настоящему.

Въ восьмидесятыхъ годахъ разрушительная критика Соловьева заставила меня впервые разочароваться въ церковно-политическихъ воззрѣніяхъ старыхъ славянофиловъ, которыя до тѣхъ поръ я всецѣло раздѣлялъ. Переживъ вмѣстѣ съ нимъ и вслѣдъ за нимъ этотъ *внутренній кризисъ*

¹⁾ Такой постановкой задачи объясняется между прочимъ отсутствіе біографіи въ моемъ изложеніи.

славянофильства, я, однако, не могъ принять *его* рѣшенія церковнаго и церковно-политическаго вопроса. Я никогда не раздѣлялъ ни *его* переоцѣнки римскаго католицизма, ни *его* рѣзко отрицательныхъ сужденій о восточномъ православіи; *его* идея „вселенской теократіи“ всегда внушала мнѣ сильныя сомнѣнія.

Этими сомнѣніями были въ свое время вызваны оба мои изслѣдованія о религіозно-общественномъ идеалѣ западнаго христіанства—въ V-мъ и въ XI вѣкѣ („Міросозерцаніе бл. Августина“, Москва, 1892 г. и „Идея божескаго царства въ твореніяхъ Григорія VII-го и публицистовъ—*его* современниковъ“, Кіевъ, 1897 г.). Историческая задача, которою я задался въ этихъ трудахъ (выясненіе сущности „теократической идеи“ западной Церкви), какъ можетъ замѣтить всякій внимательный читатель,—привела меня къ результату догматическому,—къ опредѣленно отрицательному сужденію о средневѣковой, латинской теократіи и къ оцѣнкѣ римскаго католицизма вообще, какъ односторонней формы христіанства законническаго.

Въ этихъ выводахъ еще не было полного преодоленія утопіи Соловьева, мечтавшаго о „теократіи свободной“ въ отличіе отъ „насильственной“ теократіи среднихъ вѣковъ; но въ качествѣ подготовительной ступени къ этому окончательному результату они имѣли для меня большое значеніе. Во-первыхъ, уже въ то время во мнѣ назрѣвалъ ходъ мыслей, впоследствии приведшій къ опредѣленно отрицательному выводу,—сомнѣніе въ возможности какой-либо иной теократіи кромѣ принудительной, насильственной; во-вторыхъ, сознаніе односторонности христіанства западнаго заставляло меня внимательнѣе присматриваться къ тѣмъ положительнымъ цѣнностямъ христіанства восточнаго, которыя, благодаря полемическому увлеченію, ускользнули отъ вниманія Соловьева ¹⁾.

---

¹⁾ Другое мое сочиненіе, составляющее также подготовительную ступень къ настоящему—„Соціальная утопія Платона“ (Москва, 1908), было мною составлено уже въ то время, когда убѣжденіе въ несостоятельности теократической идеи Соловьева во мнѣ окончательно со-

Не только въ области церковно-политической, но и въ области чисто философской, метафизической, я при жизни Соловьева не могъ съ полной ясностью опредѣлить своего къ нему отношенія. Съ одной стороны солидарность съ основнымъ началомъ его религіозно-философскаго ученія, какъ мнѣ казалось въ то время, дѣлала невозможнымъ отдѣленіе отъ него. Съ другой стороны пантеистическая гностика, перешедшая къ нему отъ Шеллинга и Шопенгауера, смущала меня съ юныхъ лѣтъ, уже въ восьмидесятихъ годахъ, когда я впервые познакомился съ „Критикой отвлеченныхъ началъ“ и „Чтеніями о богочеловѣчествѣ“. Помнится, что смущенія эти раздѣлялись и покойнымъ моимъ братомъ кн. С. Н. Трубецкимъ, который всегда возставалъ противъ отождествленія „Софіи“ съ сущностью міра и въ бесѣдахъ со мною высказывалъ точку зрѣнія, очень близкую къ той, которая въ настоящемъ изслѣдованіи противоплагается пантеистическимъ тенденціямъ соловьевской метафизики.

Разумѣется, на разстояніи тридцати лѣтъ трудно съ точностью возстановить, въ какой мѣрѣ эти юношескія бесѣды предвосхитили настоящій мой ходъ мыслей. Ощущеніе нашей близости, удержанное памятью, можетъ быть и преувеличеннымъ, такъ какъ тождества между нашими воззрѣніями все-таки никогда не было: пересматривая юношескія произведенія кн. С. Н. Трубецкого, я, при большомъ между нами сродствѣ, нахожу въ нихъ и существенныя разногласія съ моими мыслями: уже въ восьмидесятихъ и девяностыхъ годахъ этимъ вызывались оживленные споры между нами.

Отвѣтственность за высказанное здѣсь, разумѣется, цѣликомъ падаетъ на меня одного; но чувство справедливости заставляетъ меня высказать здѣсь, сколь многимъ я обязанъ этому духовному вліянію и совмѣстной работѣ съ покойнымъ братомъ, безо всякой, впрочемъ, надежды

зрѣло. Какъ видно изъ предисловія къ этому сочиненію, въ немъ социальная утопія Платона интересуеъ меня по связи съ социальной утопіей Соловьева.